

- Еще одну привезли. Горемыка.
- Ничего, привыкнет. Все привыкают.

***

Мама пахнет кофе. У нее пушистые волосы и сережки с прозрачными камешками. Она встает затемно, целует меня во влажный лоб, потом надевает коричневый плащ и уходит на работу.

Мама – телефонистка. У нас нет телефона, и мама считает, что это хорошо. Вечерами мы садимся за большой стол пить чай. У нас красивый сервиз – бабушкин. Белые фарфоровые чашечки с фиалками. Если мешать чай ложкой, они смешно позвенькивают – зинь-зинь, зинь-зинь. Чашечки стоят на белых блюдечках. Жалко, что у одного краешек откололся. Но мама его не выкинула, посадила на клей и оставила. Только гостям это блюдечко не подает. А если его от себя отвернуть, то скола не видно, и кажется, что блюдечко совсем целое.

Мама чай не любит, а я люблю. Она наливает мне его сначала в чашечку, а потом из чашечки переливает в блюдечко – чтобы скорее остыл. А я макаю туда кусочки сахара: он рассыпается на искрящиеся крупинки и тает, как первый снег. Можно, конечно, еще макать «пушкинские» сушки, но от них остается коричневая каша. Мама называет ее «болотом» и морщит нос. А я пью чай вместе с этой кашей прямо из блюдечка и представляю, что я – важная мадемуазель.

Это слово – мадемуазель – мне очень нравится. Вот моя кукла – настоящая мадемуазель. У нее белое лицо, такое же белое, как

фарфоровая чашечка с фиалками, только с милыми капризными кубками. Кукла – мамина. Но ей она уже не нужна, поэтому я забрала ее себе. Волосы у нее немного растрепались, но я намазала их салом и заплела. Мама расстроилась и сделала для мадемуазель кружевную шляпку с атласной ленточкой.

После чая мы обычно ложимся спать. Мама рассказывает сказки – о том, как важные мадемуазель ездят на воды и обедают в ресторане «Гагрипш», а еще о том, как прекрасный королевич поцеловал спящую красавицу. А мне кажется, что это и не сказки вовсе, а мама и есть спящая красавица, только королевич уехал в свою волшебную страну и шлет оттуда маме картонные открытки. А еще я думаю, что это мой папа. Наша соседка по квартире Лушка говорит, что папа – не королевич, а шельмец. Мама называет Лушку душой и обещает пожаловаться управдому за то, что та сушит голову в духовом шкафу.

Иногда к маме приходит Нани. Они дружили в детстве: потом Нани вышла замуж, а мама сделалась телефонисткой. В дни «визитов» мама надевает белье из «Фандориза» и парадное платье и подает на стол чашечки с целыми блюдечками. Только уже не для чая, а для кофе. Он получается густым и ужасно горьким – даже пятью кусочками сахара не спасти! Нани обязательно приносит подарки: маме книги, а мне кулек конфет. Мама сердится, но виду не подает, поэтому я съедаю сразу горсть сладостей и мучаюсь животом.

Они много разговаривают. Нани жалуется, а мама ее уговаривает не плакать. Еще они обсуждают Альпера. Нани так и говорит: «А знаешь, я недавно встретила Альпера...» Тогда мама начинает курить и молча слушает. Мне про Альпера неинтересно, и я убегаю из комнаты на кухню, где сытно пахнет Лушкиным варевом.

Потом Нани уходит, и мы укладываемся спать. После разговоров про Альпера мама не рассказывает сказок: она просто прижимает меня к себе, а я упираюсь коленками в ее теплый живот и нюхаю пропахшие кофе и сигаретами волосы. Я всеми силами стараюсь не уснуть: жду, когда мама закроет глаза, а потом аккуратно трогаю прозрачные камешки в ее сережках. Один раз замочек растянулся, и сережка выпала мне в ладонь. Я спрятала ее под подушку и любовалась блестящим камешком, пока никто не видит. Мама сережку потом искала, но я побоялась отдавать.

Лушка тоже хорошая, но не как мама. Она ходит в жирном фартуке и гоняет детей полотенцем.

– Ух, шкодница! Весь пол заляпала. А ну сымай боты. Вся в папку-шельмеца! – прикрикнула она на меня как-то после прогулки. Я разозлилась и закричала на всю квартиру:

– Мой папа – не шельмец. Он... Он Альпер!

Лушка зажала рот рукой, а мама впервые в жизни оттаскала меня за волосы.

***

Я совсем плохо помню маму. Ее забрали пару дней спустя. Меня отвезли в детдом, где я прожила до совершеннолетия. Альпера расстреляли в 1938-м. О судьбе мамы мне ничего не известно. Но иногда я сжимаю в руке ее сережку с прозрачным камешком и чувствую мамин запах.
Москва, 2013.